

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>
Название: Клуб, где раскрываются тайны

По дороге домой я обдумывал то, что сказал мой приятель. Сначала от его предложения я был просто в шоке. Но сейчас понемногу начал успокаиваться, прокручивая в голове наш разговор.

Час назад мы с ним случайно столкнулись на остановке: «Здорово! Сколько лет, сколько зим!» Решили зайти в кафе, посидеть. И за кружкой пива разговорились. Болтали о том, о сём. И тут приятель вспомнил:

— Слушай, да у тебя же скоро юбилей! Надо бы отметить, как-никак, тебе пятьдесят пять лет стукнет!

— Я не против, — ответил я.

— А ты всё-так же один кукуешь? Бабу себе не нашёл? — спросил приятель.

— Нет.

Приятель посмотрел на меня каким-то особенным взглядом, и произнёс:

— По случаю юбилея я тебе один подарок хочу сделать...

— Ну, юбилей-то только через неделю будет. Зачем о подарке заранее говорить, сюрприза не получится! — засмеялся я.

— Нет, нет, это такой подарок, что ты должен сам заранее обдумать — примешь его или откажешься, — сказал приятель. Потом он оглянулся по сторонам, приблизил ко мне лицо и, понизив голос, тихо произнёс:

— Ты про свингеров когда-нибудь слышал?

— Ну, слышал. И что с того?

— Не знаю, как ты к этому отнесёшься... Короче, есть у меня знакомые, они организовали вроде как клуб по интересам... В общем, собираются семьями и занимаются сексом, — закончил фразу приятель и, откинувшись на спинку стула, внимательно посмотрел мне в лицо — как я отреагирую? А я, слегка обалдев от того, что мой старый друг, оказывается, имеет таких знакомых, сидел и молчал.

— Я тебя хочу пригласить на вечеринку к этим знакомым. Я сам туда частенько хожу. Там здорово! Это и будет моим подарком тебе на юбилей.

— Ну ты даёшь... — только и выдавил я, покачав головой. Вот не думал, что на старости лет меня пригласят поучаствовать в групповухе!

— Ну а что тут такого! Ты же один, никем не связан! Соглашайся, повеселимся!

— Не, я, наверное, пас, — отрицательно покачал я головой.

— Не торопись отказываться, подумай, — сказал приятель.

На том мы и расстались с ним.

После того разговора меня всякие мысли посещали. А почему бы и в самом деле не сходить? Что я теряю? У меня секса давно не было. Да и надоело одному быть. С женой я развёлся пять лет назад, дети давно выросли, взрослые уже, у них своя жизнь. Городок наш маленький, и мой старший сын как уехал после школы в другой город в ВУЗ поступать, так там и остался. А дочка замуж вышла и, хотя мы в одном городе с ней живём, но в разных его концах, и видимся очень редко. В общем, подумал я, подумал, и решил: схожу с приятелем к его знакомым, развеюсь хоть!

Неделя пролетела быстро.

И вот подошёл назначенный день, и мы с приятелем на его машине подъехали на окраину города. Тут была тихая улочка, частный сектор. Около одного большого дома приятель остановил машину. Зашли мы во двор, за глухой высокий забор. Во дворе было очень красиво — деревья, клумбы с цветами. Дом буквально был накрыт пышными кронами деревьев.

Вошли внутрь, а там уже шум и гам: парни и девки лет семнадцати танцуют под музыку из мобильного! Нас чуть с ног не сбили. Я ещё подумал: вот, блин, додумались же их родители — нашли, куда своих чад привести! Здесь же, по словам моего приятеля, вроде бы свингерская собирушка намечается, этим юнцам здесь точно не место. Тут к нам вышла симпатичная женщина лет сорока:

— О, здравствуйте! Это вы тот самый юбиляр? Очень рады! Вот как раз ваш день рождения и отметим! — улыбаясь, сказала она. А я стоял и пялился на неё: дело в том, что блузка на ней была расстёгнута, и наружу просто вываливались голые груди. И не стесняется, будто так и надо! Бросив взгляд в соседнюю комнату, я увидел, что там прохаживаются мужчины и женщины разных возрастов, тоже полуодетые.

— Ты давай не стесняйся, лето, в доме жарко, тоже раздевайся. У нас без церемоний, — сказал мне приятель.

Я снял рубашку, но брюки пока не стал снимать. И так, голый по пояс, вместе с приятелем пошёл в зал. Вход в него закрывался трещащими бамбуковыми занавесками, прямо как в старой телепередаче «Кабачок тринадцать стульев».

Мы зашли в большой зал. Посреди него стоял накрытый стол. Повсюду, на диване, в креслах по углам сидели приглашённые — видимо, завсегдатаи этого клуба. Мой приятель стал меня знакомить со всеми. Тут вошла женщина, которая нас встретила, и громко сказала:

— Ну что, гости дорогие! Давайте усаживаться за стол. У нас новичок, и у него сегодня юбилей! Надеюсь, с вашей помощью ему у нас понравится! — женщина с улыбкой показала на меня рукой. Все зааплодировали, стали выкрикивать: «С днём рождения!» Один пацан лет двадцати даже засвистел. Мы все уселись за стол. Разлили вина, выпили. Я всё тарачился по сторонам: ещё бы — кругом было столько баб, и девочек семнадцатилетних, и женщин пятидесятилетних, и все полуголые, кто в одних трусах, кто в комбинашке. Потом один мужчина, я так понял, что он главный здесь, встал с бокалом в руке. Все замолкли, а мужчина начал говорить:

— Я рад, что вы все снова здесь собрались. Хочу напомнить, что наша цель — взаимная радость, единение любящих людей, так что ни о каком стыде речи быть не может. Некоторые посчитали бы наши собрания безумным развратом и даже преступлением. А я так скажу: в наше время, когда, сами знаете, браки массово распадаются, единственное средство спасти семью от распада — это секс. Секс — всему голова! — мужчина замолчал и выпил. Все тоже выпили.

— Ну, раздевайся догола, и идём! — сказал мне приятель. Все присутствующие начали вставать и переходить в другую комнату. Кое-кто на ходу сбрасывал с себя остатки одежды. Другая комната была ещё больше, чем зал, и в ней окна были плотно занавешены — видимо, чтоб с улицы никто не подсмотрел. Мебели здесь не было, пол устлали ковры, валялись подушки и матрасы. Что меня удивило, так это то, что в углу, не обращая внимания на нас, на толпу вошедших голых взрослых, кружком сидели и играли в карты те самые семнадцатилетние подростки, что танцевали у входа, когда мы пришли.

— Они что — здесь будут?! — прошептал я приятелю.

— Конечно! Они ещё и к нам присоединятся! — ответил он. Я был поражён.

— Вы что, юнцов тут развращаете?!

— А им это нравится, представь себе! К тому же, какое нам с тобой до этого дело, если так решили их собственные родители? — сказал приятель. У меня аж голова закружилась от услышанного, а потом и от увиденного: одна женщина лет тридцати пяти легла на ковёр и крикнула что-то ребятам...

От компании играющих пареньков к ней подбежали двое. Они легли рядом с женщиной по обе стороны её тела, и стали сосать её груди. А женщина приподняла ноги и начала отдаваться какому-то мужику. Потом к ним подошёл ещё один парнишка, присел над лицом женщины и вложил ей в рот свой член.

— Видишь? Парнишки, которые ей титьки сосут — это её сыновья, — прошептал мне приятель.

— А трахает её муж? — спросил я.

— Нет, это её брат! А член она сосёт своему племяннику, — ответил приятель.

— Обалде-еть! — воскликнул я. — Не ожидал такого блядства увидеть... ладно бы ещё чужие люди, а то родственники...

— Ну и что? С родственниками-то ещё слаще! Вон и хуй твой того же мнения! — с усмешкой сказал приятель. Член у меня, действительно, торчал почти вертикально. С юности такой эрекции не бывало! Я глазел по сторонам. Вокруг творилось чёрт знает что: члены клуба объединялись в группы по трое-четверо, и совокуплялись, смеясь и перебрасываясь шутками с другими развратниками. С одной стороны от меня какая-то пожилая тётка играла с юнцами. Как мне потом объяснили, это были её внуки. Трое парней и двое девушек, все голые, с радостным визгом набрасывались на свою бабушку, пытаясь её повалить. Она, улыбаясь, охая и болтая титьками, грузно валилась на матрасы, ребята с восторгом прыгали на неё сверху, так что она оказывалась погребённой под грудой копошащихся свежих юных тел. Ей не давали встать, а бабушка хватала их за письки то ртом, то руками, а одного паренька зажала у себя между ног и, смеясь, держа его рукой за затылок, тыкала его лицо в свою манду, как нашкодившего котёнка. «Мам, ты с ним между ног выглядишь, как роженица!» — со смехом крикнул ей один мужчина с другого конца комнаты. Тётке понравилась эта идея, она легла на спину, бесстыдно, широко раскидала толстые белые ляжки, и они с пареньком стали играть, шутливо изображая, будто бы она и вправду его рождает. «Залезь, залезь в бабушку!» — пыхтела тётка, помогая пареньку засунуть в её пиздищу его руку. Паренёк был худощавый, он легко просунул в вагину руку до локтя, и теперь бабушка, действительно, выглядела, как роженица с полувылезшим плодом, мастурбируя рукой паренька и задыхаясь от возбуждения. А тот мужик, что назвал её мамой, схватился за приподнятые ноги толстой бабы, которую он активно ебал, и стал быстрее вгонять в неё член, прикрикивая: «Ох, мать, как я тебя люблю!» У бабы под ним от толчков колыхались сиськи, и она взвизгивала в ответ: «Еби меня, сына, еби, родненький свою мать! Никто тебя не удовлетворит, как мамонька родная! Правда ведь, мамина пизда слаще всех?» Я спросил приятеля, который уже начал ебать рядом со мной какую-то девчонку с афрокосичками: — Это как так — у него что, две матери, и та, и эта?

— Нет, та, которая с подростками играет — это его настоящая мать, а эта, которую он ебёт — это его тёща. Это они играют так, а свою-то родную мать он и дома с семнадцати лет ебёт и в пизду, и в жопу, — пояснил приятель.

Вдруг я почувствовал, что к моему члену что-то прикоснулось. Я посмотрел вниз. Передо мной стояла девушка. Она с любопытством таращилась на мой торчащий хуй и трогала своими изящными пальчиками вспухшую красную залупу.

— Ты чего?... Нельзя... — растерянно забормотал я.

— Да не тушуйся, здесь всё всем можно! — засмеялся приятель. — Я бы на твоём месте поиграл с ней! — добавил он. Девушка тем временем подступила ближе и лизнула, как мороженое, мой пенис. Очевидно, она уже привыкла раньше так делать. Прикосновение розового язычка к головке оказалось очень приятным. Я плюхнулся задом на ближайший матрас, и посадил молоденькую шлюшку себе на живот. Она не сопротивлялась, наоборот, стала елозить своей голой попой по моему волосатому паху, отираясь о торчащий хуй. Я помогал ей, держа её за подмышки, приподнимая и тыкаясь головкой в её промежность.

— Эх, если б ты со мной так же до моего замужества поигрался! — раздался сзади голос, который показался мне знакомым. Я обернулся... ЧЁРТ ВОЗЬМИ!!! Рядом стояла... моя родная двадцатичетырёхлетняя дочь Марина! Она была совершенно голая, с изрядным животиком, под которым лохматились тёмные волосы. Я вскочил на ноги:

— Ты что здесь делаешь?! Как тебе не стыдно! Ты же беременная! Тебя муж убьёт, если узнает! — заикаясь, воскликнул я.

— А он знает, — сказала дочка и, обернувшись, показала рукой. Я посмотрел и увидел, что в другом конце комнаты дочкин муж энергично ебёт раком какую-то бабу лет шестидесяти, которая, охая и стелая, успевала драть своему шестнадцатилетнему внуку пиписку, временами засовывая её себе в рот или водя ею по своему лицу.

— Да как ты смеешь... ты же беременная... — бормотал я в замешательстве.

— А беременным ещё больше секса хочется, — игриво сказала дочь.

— О ребёнке бы подумала! Тут эти кобели мигом тебе выкидыш обеспечат! Думаешь, им жалко?

— Им, может быть, и не жалко, ну а ты-то, по-родственному, осторожнее с доченькой обойдётся! — засмеялась дочка и, протянув ладонь, обхватила пальцами мой хуй. Я отпрянул, но дочка смеялась и не отпускала.

— Пап, ну правда, давай со мной! — дочка потянула меня за хуй, ложась на спину и раздвигая ноги. Я увидел её разинутую розовую пизду, и подумал: «Будь что будет! Раз уж здесь такой разврат...» Опустившись на колени, я вложил головку члена в дочкину пизду и потихоньку ввёл внутрь примерно до половины. Потом взял член у основания и стал водить им внутри по стенкам круговыми движениями.

— О-ох, папка! Какой ты у меня аккуратный и нежный... Просто мастер ласкать влагалище беременной женщине! — с умилением вздохнула дочь. — Вот рожу тебе внучку, будешь и её ебать, — добавила она. Я приподнял лицо, закрыл глаза и принялся потихоньку сношать дочку.

Когда я открыл глаза, я увидел в дверном проёме, ведущем в другую комнату, что туда заходят какие-то люди. Видимо, это были опоздавшие. Зашла сначала пожилая пара, потом молодые, наверное, их внуки. А потом меня будто током ударило: занавески раздвинулись, и показался мой двадцативосьмилетний сын Борька, а за ним — его мать, то есть моя бывшая жена Людмила, с которой я развёлся пять лет назад! Оба они были голыми. Людмила не изменилась, была всё такая же пышнотелая, с отвисшими большими грудями и широкими бёдрами, меж которых темнел пушистый треугольник. Когда я их увидел, первым моим

желанием было подбежать к ним и дать пощёчину Борьке. Как им не совестно! Ладно Борька, а Людмила?! С голой жопой и голой пиздой перед собственным сыном щеголяет! А потом сообразил: сын уже взрослый, что хочет, то и делает, а Людмила мне уже не жена. Я не вправе им указывать. Но какого чёрта они вообще тут делают?! Борьку не допросишься в гости приехать, а тут — нате! Припёрся в наш город, да не к папе родному, а к чужим людям на групповушку! У меня от удивления, видимо, челюсть отвисла, и дочка, перехватив мой поражённый взгляд, тоже посмотрела в другую комнату.

— Пап, держи себя в руках! Не злись и не удивляйся — это мы специально для тебя на юбилей решили собраться всей семьёй, сюрприз тебе сделать, — сказала дочка.

— Да уж, сюрприз — круче некуда! — сказал я, покачав головой. — Но как же Борька-то... при матери?! — воскликнул я.

— А они с мамой уже давно. Ты просто не знал этого. Спроси их, они тебе сами расскажут. Помнишь любовника, которого ты так и не нашёл, когда развёлся с мамой... — начала говорить дочь, но не договорила, потому что Борька и Людмила уже вошли к нам в комнату и, увидев меня с дочкой, остановились перед нами... Несколько секунд мы все просто молча смотрели друг на друга.

— Н-да... — наконец промычал я.

— Здорово, батя! — произнёс мой сын. Он сделал движение ко мне, словно хотел меня обнять, но я отстранился.

— Дайте человеку в себя прийти, — сказала дочка.

— Ты-то как сюда попала? Молоденького тут решила найти? — язвительно спросил я у моей бывшей жены.

— Да ладно, батя, не заводись, чего ты! — сказал сын. — Мы же все взрослые люди, мало ли как в жизни бывает... Мы к тебе на день рождения...

— А с тобой мы ещё отдельно разберёмся! Правду Маринка говорит, что ты... что вы... с матерью?... — прошипел я.

— Ну-ну! Не вздумайте ещё скандалить тут! — вмешалась дочка. Она с трудом из-за живота поднялась, раскачивая голыми грудями. — По-моему, нам всем не помешает немного охладиться холодненьким шампанским! Идёмте, — дочка взяла меня за руку и потянула в другую комнату. За нами пошла и Людмила с сыном.

Я был в замешательстве, не знал, как себя вести. С непривычки мне было ужасно стыдно — одно дело, если я один в этом притоне, и совсем другое, когда здесь вся моя семья собралась. Хотя головой я понимал, что, кроме моего знакомого, который меня сюда привёл и сейчас трахался где-то в закоулках этого дома, никто здесь моих домочадцев не знает, да и вообще, при здешнем блядстве на сбор семьи всем наплевать, тем не менее мне казалось, что на нас все смотрят и осуждают, и я втягивал голову в плечи. Мы подошли к столу, окружили его, и дочка разлила шампанское по бокалам.

— Ну, давайте за встречу! — сказала она.

Людмила и сын подняли бокалы, глядя на меня. «А, чёрт с вами! Раз так вышло...» — подумал я. Схватил бокал, залпом его осушил и сам тут же налил себе ещё.

— Ладно, первый тост можно без чоканья! — торопливо сказала дочка. Они втроём тоже выпили.

— Я уж думала, ты давно перестал на меня обижаться, — сказала Людмила. — Тем более, что я же не с посторонним мужиком тебе изменяла, а с твоим собственным сыном. Это как-то

полегче будет...

— «Полегче?!» — я засмеялся. — Ну вы, блин, даёте все... Семейка извращенцев! Годами рядом с вами всеми жил, и не знал, что вы такие...

— Ой, пап, вот только не надо из нас чудищ делать! — возразила дочка. — Ты, вообще-то, сам тоже сюда пришёл — и чем ты после этого лучше нас?

— Я-то к чужим людям пришёл! Я хотя бы маму свою родную не ебал, как этот! — я мотнул головой в сторону Борьки. Он широко улыбался, стоя по другую сторону стола.

— Маму не ебал — зато дочке засунул! — парировала Маринка. На это мне нечего было возразить — в самом деле, десять минут назад я со смаком шуровал членом во влагалище моей беременной дочуры.

— И что с того, что Боря меня удовлетворял? Значит, хороший сын, любит маму, хочет ей доставить удовольствие, — игриво заметила Людмила и ладонью шлёпнула сына по голым ягодицам. У Борьки в ответ неторопливо, как грузовой кран, начал подниматься член — всё выше, до края стола и над ним.

— Батя, ты не сердись и не вороши старое. Мы, видишь, все собрались на твой день рождения, так давай мирно пообщаемся... — успокоительно сказал Борька.

— О! Я вижу, всё семейство в сборе! Привет, Людмила! — поздоровался, входя в комнату, мой приятель, приведший меня сюда. Чёрные волосы на его голой груди слиплись от пота, на члене болтался повисший презерватив, наполненный мутно-белёсой спермой — видать, он только что кончил.

— К юбилею собрались? А чё стоим? В ногах правды нет! — и приятель уселся, налив себе газировки. Мы тоже присели. Булькая горлом, приятель выпил стакан.

— Ох, и славно я ту девчонку отодрал!... — выдохнув и покачивая головой, сказал он. — Ну а вы-то как? Все вопросы решили? — спросил он, цепким взлядом скользнув по нашим лицам.

— Это ты их в этот Содом привадишь ходить? — спросил я. — И меня, небось, специально сюда притащил, и с ними, — я показал на моих, — загодя договорился, да?

— А ты разве против всей семьёй собраться?

— Я-то, может, и не против — но не в такой же обстановке! Ты бы хоть предупредил меня...

— Если б я предупредил, ты бы не пошёл... И чем тебе здешняя обстановка не нравится?

Люди приличные, жратва отличная... — приятель взял из вазы несколько виноградин и кинул их себе в рот.

— Ладно, пап, кончай дуться — лучше кончай в меня! — подмигнула мне Маринка. Я почувствовал, как её пальцы под столом нащупали мой член и стали его легонько разминать...

— Ладно, вы тут сидите по-семейному, а я пойду. У меня там ещё одна мадам хочет пососать...

— приятель встал и вышел.

У меня от шампанского и от всего произошедшего кружилась голова. К тому же дочкина рука умело продолжала ласкать мой уже поднявшийся пенис.

— О-о... — не выдержав, в наслаждении простонал я.

— Вот! Вот и Борьке так же приятно со мной! — наставительно сказала Людмила.

Дочка нырнула под стол, и я ощутил, как мой член очутился в сладостно-тёплой, нежно-влажной среде. Рот Марины насаживался на мой член, а её язык иногда

остро-щекотливо оглаживал края головки. В такие моменты у меня от наслаждения аж

коленки подёргивались и казалось, что я немедленно прысну семенем дочке в горло. Чуть прикрыв глаза, я сквозь полуопущенные ресницы наблюдал, как по другую сторону стола

Борька начал трогать груди Людмилы. Она, откинувшись на спинку стула, блаженствовала, приподнимала ладонями то одну, то другую титьку и направляла её к жадно ищущим губам сына. Борька, как голодный телёнок, тыкался лицом в грудь матери, сопел, причмокивая сосал, и я даже со своего места видел, как напряглись и покраснели соски его матери. Борька даже покусывать стал толстые материнские сиси, а моя бывшая жёнушка, запрокинув голову и прикрыв глаза, только поохивала да постанывала, — до того ей, видать, в кайф были ласки сыночка. Одним из последних в комнату вошёл муж мой дочери Марины, Антон. Он знал меня и Людмилу, а вот Борьку нет, так как сын не был на свадьбе дочери.

— Привет, — кивнул нам дочкин муж, садясь за стол рядом с Мариной. — Ну, как ты? — он погладил её живот.

— Отлично! Представь — я с папкой трахнулась! — прошептала ему Марина. У Антона округлились глаза: увидев меня здесь, он, хорошо владея собой, не подал виду, что удивлён, но вот новость, сообщённая Маринкой, его поразила. Всё же он со спокойным видом принялся накладывать себе салат.

— Да, и кстати, познакомься — это мой брат Борис, — сказала Марина. Борька с Антоном обменялись рукопожатиями. Я заметил, что Антон, глядя, как Борька жмётся к голой Людмиле, слегка покраснел.

В это время мужчина, который в начале вечера говорил речь, встал и оперся руками о стол, дожидаясь, когда разговоры утихнут и усядутся все. Смешно он выглядел в своей официальной позе: хуй болтался, задевая о белую в цветочках скатерть, небольшое брюшко нависало над тарелкой с рыбой.

— Друзья! — наконец произнёс он. — Давайте выпьем за то, что наш клуб помог восстановить мир и воссоединиться семье нашего нового члена! — он указал на меня, все захлопали, закричали, засмеялись. Мы выпили. А потом Маринка пододвинулась ко мне и сказала: — Слушай, пап, а давайте все вместе свалим отсюда и продолжим празднование твоего юбилея дома?

— Точно, давайте! Здесь шумно, и курят, Маринке в её положении вредно, — добавил Антон.

— Я не против, — сказал я.

Мы распрощались с присутствующими, никто особо на нас не обратил внимания, только соседи по столу пожелали счастья, и мы потихоньку пошли на выход. Нас догнала женщина, которая встречала, когда мы явились сюда с приятелем. Сейчас она была абсолютно голой, но всё так же любезно улыбалась.

— Ну как, — понравилось у нас? — поинтересовалась она.

— Да, — честно ответил я. — Необычно, конечно, но всё было здорово. Я себя снова молодым почувствовал.

— Приходите ещё, — сказала она.

Мы впятером вышли на крыльцо, вдохнули свежий вечерний воздух.

— Ёлы-палы, как до дому добираться-то будем? Я ж сюда с приятелем на его машине приехал, вон, видите, она стоит возле ворот, — сказал я.

— Ничего, если поторопимся, ещё успеем, общественный транспорт до одиннадцати ходит, — сказал Борька.

Мы двинулись по улице.

— Ой, подождите, — мне нужно!... — вдруг сказала Маринка и отбежала к забору.

Мы остановились. В сумерках слышно было, как трещат кусты у забора. Потом зажурчало. Я

представил, как там моя дочка писает, и почувствовал, что у меня слегка встал в штанах.

Маринка вышла из темноты на дорогу, и мы пошли дальше. Мы спешили, поэтому по дороге разговаривали мало.

Когда мы пришли ко мне домой, Марина сразу же направилась к холодильнику.

— Так я и знала! — воскликнула она. — Типичный набор холостяка: яйца, сыр, и ничего больше. Антон, сбегай-ка, здесь рядом круглосуточный магазин есть. Надо стол накрыть как следует, днюха же всё-таки у бати!

Вместе с Антоном увязался и Борька. Жена и дочка стали вытаскивать и расставлять на столе посуду.

— Ну что, будете теперь снова с мамой вместе жить? — спросила Марина.

— Если он согласится, так я не возражаю, — глядя на меня, сказала Людмила.

— Погодите, это такое дело, пока не выпьешь, не разберёшься, — уклончиво ответил я.

— Ладно, посмотрим. Ещё не вечер, — улыбнулась дочь.

Вскоре вернулись Борька с Маринкиным мужем. Видно, Людмила с Маринкой хорошо их деньгами снабдили — парни притащили полные сумки продуктов, и начали всё выкладывать на стол.

— Ну уж икру-то красную можно было бы и не покупать, дорого, — заметил я, беря и вертя в руках баночку.

— Ничего, на день рожденья можно! К тому же она полезна для потенции. Я помню, когда я хотела, чтоб Борька меня поактивнее трахал, я его блинчиками с мясом подкармливала, и красной икрой, — сказала Людмила.

— Тётя Люда!... Вы что такое говорите?! — краснея, произнёс Антон.

— А что? — невозмутимо ответствовала моя Люда.

— Вы?..

— Я!

— С Борисом?!.

— С Борисом.

— Он же ваш сын!

— Ну и что, зятёк ты мой дорогой? Что тут такого?

— Ну и ну... — покачал головой Маринкин муж.

— Да, Антоша, — вот такие они развратники, — вздохнул я.

— Во даёте... Я, конечно, видел в клубе не раз, как мать с сыном, но это там, а чтобы среди моих родственников такое... Если честно, то я и сам хотел бы с моей мамой поебаться... — пробормотал Антон.

— А ты с ней ни разу не пробовал? — спросила Людмила.

— Да что вы! Вы о чём говорите! Вы будто мою маму не знаете! — воскликнул Антон.

Я сразу вспомнил его мамашу — стройная, в отличии от Людмилы, но тоже с большими сиськами, очень строгих правил дама, с сединой на висках и в очках. Она занимала ответственный пост в одном учреждении и, по моему, ненавидела мужчин. Разведясь с отцом Антона ещё в молодости, она так и не вышла замуж вторично.

— Она, конечно, женщина серьёзная, но всё-таки женщина. Значит, ей тоже иногда хочется. Ты вот думаешь, что твоя мать о сексе и не думает, а она, может, каждый вечер себе резиновый хрен в манду суёт, — заметила Люда.

— Не возбуждайте меня такими разговорами, тётя Люда! А то у меня уже встаёт. Щас не

выдержу и побегу к матери, чтоб посмотреть, как она суёт в манду... а может, и трахнуть, — усмехнулся Антон.

— Что, — уже готов мне изменить с мамочкой?! — притворно-сердито воскликнула Марина.

— Мы это обсудим. Может, и устроим тебе еблю с мамой, раз ты так хочешь, — сказала Людмила.

— Очень хочу! — загорелся Антон. — Вашему Борису повезло с вами. А я ещё пацаном часто дрович, представляя, что мамину пизду сверлю, — сказал Антон.

— А я почти не дрович, незачем было — мне мама дала, когда я ещё в школе учился, — вставил мой сын.

— Ого, как давно! А я и не догадывался. А ну-ка расскажите-ка мне, как у вас всё началось, — попросил я.

— Погодите, давайте за стол сядем, наговориться ещё успеем, — прервала нас Марина.

Мы уселись за стол, стали есть и пить.

— Ну, теперь рассказывайте, — напомнил я сыну с женой.

— Ты про что? А, про нас... — сообразила жена. — Это началось, когда Борису семнадцать лет было.

— О-ё-ёй! — воскликнул я. — Так это, значит, ты мне с ним изменяла ещё за несколько лет до того, как я заподозрил, что у тебя любовник появился! Ну вы и конспираторы...

— Я тогда в баню пошла, начала мыться. А у нас же там, помнишь, окно покрашено белой краской, но не до самого верха, полоска незакрашенная сантиметров пять шириной есть.

— Ага! — кивнул я.

— Ну вот, я, значит, стояла к окну спиной, а потом обернулась, и мне показалось, что в этой полоске незакрашенной что-то мелькнуло. Я подумала — показалось, и дальше моюсь. А потом слышу какой-то глухой шум за окном. Я бросилась к окну, смотрю в эту полоску, и вижу — Борька чё-то корячится, с земли поднимается...

— Это я чурбак подставил, а потом оступился и упал с него, — улыбаясь, сказал Борька. — И ногу подвернул. Если бы не это, ты бы и не заметила меня, я бы успел спрятаться за угол бани, — добавил он.

— Ну вот, — продолжала Людмила, — я и поняла, что сынок подсматривает за мной. Ладно, думаю, не беда. А в другой раз мы все вместе на пруду купались, — ты, может, помнишь? Ты на берегу пиво пил, а я с Борькой и Мариной плескалась в воде. И вот мы незаметно добарахтались до места, где дно резко на склон шло, на глубину. И Борька по илу соскользнул ногой, и сразу под воду. А я испугалась и, чтоб удержать, машинально обхватила его колено под водой своими ногами...

— Ага, так, что моё колено оказалось у тебя между ног, — со смехом сказал Борька.

— Да, и тут то ли нервный стресс подействовал, то ли Борькина коленка мне на клитор через купальник как-то нажала, — но, короче, я чувствую, что у меня состояние предоргазменное...

— А я заметил — у тебя тогда глаза слегка закатились и помутнели, и плечи стали подёргиваться. И улыбка такая глупая, — сказал Борька.

— А потом вечером того же дня я застала Борьку в деревянном туалете, он там мастурбировал, рассматривая игральную карту с тёмной стёртой фотографией голой девки. И не закрылся на крючок, балбес! — Людмила шутливо легонько шлёпнула сына ладонью по голове.

— И хорошо, что не закрылся, — улыбнулся Борька.

— И что дальше было? — блестя глазами, спросил Антон. Он, поняв, что в нашем семействе нечего стесняться, приспустил брюки, вынул член и разминал его, слушая откровения сына и Людмилы.

— Я как увидела Борьку, как он пыхтит, старательно дёргая себя за пыпыску, да как вспомнила своё состояние, когда удерживала его в пруду, так вдруг возбудилась...

— И что?

— Мама быстро оглянулась, потеснив меня, зашла в туалет и закрыла дверь на крючок, — ответил Борька. — И всё так быстро, я даже ничего сообразить не успел.

— А потом я взяла Борькин член и сама стала его драть. Он сначала попытался вырваться, но я не пустила. А потом ему понравилось, и он стоял смирно. А я задрала подол платья, сняла до колен свои трусы, и стала и себя натирать, одновременно ему драть.

— Да, клёво было! — воскликнул Борька. — Только представьте себе — я упёрся ладонями в стенку, а лето же, дерево тёплое, кругом тишина, только слышно, как за стенкой шмель гудит. Туалетом пахнет, мама сопит мне в ухо и драт мне так приятно, и сама пизду свою теребит. Только плохо, что тесно, я толком её пизду рассмотреть не мог, как ни выворачивал голову.

— Зато потом ты на мою пизду каждый день смотрел! — засмеялась Людмила.

— Я как увидела Борьку, как он пыхтит, старательно дёргая себя за пыпыску, да как вспомнила своё состояние, когда удерживала его в пруду, так вдруг возбудилась...

— И что?

— Мама быстро оглянулась, потеснив меня, зашла в туалет и закрыла дверь на крючок, — ответил Борька. — И всё так быстро, я даже ничего сообразить не успел.

— А потом я взяла Борькин член и сама стала его драть. Он сначала попытался вырваться, но я не пустила. А потом ему понравилось, и он стоял смирно. А я задрала подол платья, сняла до колен свои трусы, и стала и себя натирать, одновременно ему драть.

— Да, клёво было! — воскликнул Борька. — Только представьте себе — я упёрся ладонями в стенку, а лето же, дерево тёплое, кругом тишина, только слышно, как за стенкой шмель гудит. Туалетом пахнет, мама сопит мне в ухо и драт мне так приятно, и сама пизду свою теребит. Только плохо, что тесно, я толком её пизду рассмотреть не мог, как ни выворачивал голову.

— Зато потом ты на мою пизду каждый день смотрел! — засмеялась Людмила.

От этих разговоров я стал возбуждаться, и мы опять постепенно начали групповое совокупление. После посещения клуба наша жизнь потекла совсем по-другому. Мы опять стали жить с Людмилой. Теперь мы регулярно занимались сексом все вместе, и мне это очень нравилось.